

28 августа

1936 г.

№ 71 (478)

с. Куйтун, В.-Сиб. края

КОММУНАР

Газета Куйтунского района
ВКП(б) и райисполкома

Подписная плата на год

7 руб. 20 коп.

Цена отд. номера 10 коп.

Выходит через три дня

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Речь государственного обвинителя, прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского.

арищи судьи, товарищи Военной коллегии Верховного суда Союза!

Три дня со всей тщательностью и вниманием вы исследовали представленные государственным обвинением улики и доказательства, направленные против сидящих здесь на скамье подсудимых людей обвиняемых в совершении тяжчайших государственных преступлений. Со всей возможной тщательностью вы подвергли исследованию и судебной проверке каждое из этих доказательств, каждый факт, каждое событие, каждый шаг обвиняемых, течение многих лет нависавших одно преступление на другое в своей борьбе против советского государства, против советской власти и нашей партии, против всего нашего советского народа.

Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовищна вина этих преступников и убийц, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, против наших руководителей, руководителей Советского государства. Чудовищны преступления этой банды людей, не только подготовивших террористические акты, но и убивших одного из лучших сынов рабочего класса, одного из преданнейших делу социализма, одного из любимых учеников великого Сталина—пламенного трибуна пролетарской революции, незабываемого Сергея Мироновича Кирова.

Но как бы ни были чудовищны эти преступления и как бы ни были все глубоко взволнованы и возмущены этими кошмарными и ужасными преступлениями—вы, товарищи судьи, как это и подобает советскому суду и советскому правосудию, с глубоким спокойствием взвешивали и оценивали проходившие перед вашими глазами факты, связанные с преступной деятельностью этих людей, имена которых давно уже покрыты всенародным презрением и всенародным позором.

Мы подошли сейчас к концу нашего судебного процесса. Мы подводим его последние итоги. Мы делаем последние выводы, готовясь может быть через несколько часов выслушать ваш приговор—приговор суда советской стра-

ны, требующей и ожидающей от вас справедливого, непреклонного и неумолимого сурового решения участи этих людей, этих презренных убийц, этих подлых и наглых врагов советской земли, советского народа.

Мы строим новое социалистическое общество, новое советское государство в тяжелых условиях классовой борьбы, в условиях жестокого сопротивления последних остатков разгромленных и пущенных нами ко дну эксплуататорских классов.

Каждый шаг нашего продвижения вперед связан с ожесточенным сопротивлением врагов, поднимающих против нас все силы старого мира, всю мразь, всю напиль старого общества, мобилизующих и бросающих на борьбу с нами самые преступные, самые отвратительные, самые отпетые и разложившиеся бесчестные элементы. Ленин учил, что «ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены**», без того, чтобы буржуазия и мелкобуржуазная стихия не боролись против советской власти, действуя не только приемами Савиных, Гоцев, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, потоками лжи и клеветы, но и используя все и всякие элементы разложения, пускаясь на всякие и всевозможные грязные и позорные преступления.

Товарищ Сталин предупредил, что «надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим

*) (Ленин «Очередные задачи советской власти», 22 том, 457 страница).

покончить с этими элементами быстро и без особых жертв***).

Три года тому назад товарищ Сталин не только предсказал неизбежность сопротивления делу социализма враждебных ему элементов, но и предсказал возможность оживления троцкистских контрреволюционных групп. Этот процесс полностью и отчетливо доказал всю гениальность этого предсказания.

Этот процесс, «герои» которого связали злую судьбу с фашистами и агентами полицейских охранок, «герои» которого потеряли всякую разборчивость в средствах и дошли до геркулесовых столбов двурушничества и обмана, возвели вероломство и предательство в систему, в закон своей борьбы против советского государства; этот процесс вскрыл до конца и еще раз доказал, как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма, процесс доказал, как ничтожны эти враги, мечущиеся и кидющиеся от одного преступления к другому. Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц—она думала остановить своими грязными преступлениями биение могучего сердца нашего великого народа! Презренная ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду.

Эти взбесившиеся псы капитализма пытались разорвать на части самых лучших из лучших людей нашей советской земли. Они убили одного из самых дорогих для нас людей революции, замечательно и чудесного человека, светлого и радостного, как всегда была светлой и радостной на его устах улыбка, как светла и радостна наша новая жизнь. Они убили нашего Кирова, они ранили нас совсем близко к самому сердцу. Они думали внести в наши ряды смутнение и замешательство...

На предательский выстрел первого декабря 1934 года вся страна ответила убийцам единым сердцем проклятием. Вся страна—миллионы, десятки миллионов людей всколыхнулись и еще раз доказали свою оплотненность и единство, свою преданность великому знамени партии Ленина—Сталина. Железной, несокрушимой стеной стала страна Советов на защиту своих вождей, своих руководителей, за каждый волос которых преступные безумцы ответят перед нами

**) (Сталин «Вопросы ленинизма», Изд. 10-е, стр. 510).

своей головой. В этой безграничной любви миллионных масс трудящихся к нашей партии, ее Центральному Комитету, нашему Сталину и его славным сподвижникам, в этой безмерной любви народа—вся сила защиты и охраны наших вождей, руководителей страны и партии от предателей, убийц и бандитов!

Цветет, радостно растет наша великая родина. Богато колосится золотом хлебов бесчисленные колхозы, полной грудью дышат тысячи новых социалистических стахановских фабрик и заводов. Дружно и чудесно работают на благо своей родины железные дороги, по бесконечным сверкающим стальным лентам которых из конца в конец мчатся кривоносовские поезда и маршруты. Несокрушимо, как гранит, стоит на страже родных границ, окруженная любовью народа, Красная Армия. Дороги и близки родные нам и всем кто преисполнен сыновней любовью к своей матери родине—имена замечательных большевиков, неутомимых и талантливейших строителей нашего государства—Серго Орджоникидзе, Клима Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, руководителей украинских большевиков Косиора и Постышева, руководителя ленинградских большевиков—Жданова. С непревзойденной великой любовью произносится трудящимися всего мира имя великого учителя и вождя народов СССР—Иосифа Виссарионовича Сталина.

Под руководством советского правительства и нашей партии во главе со Сталиным, окончательно и бесповоротно, победил в нашей стране социализм. Под руководством нашей партии пролетариат нашей страны отобрал орудия и средства производства у капиталистов, уничтожил капиталистическую систему, опирающуюся на частную собственность, на эксплуатацию, на насилие и рабство.

Под руководством нашей партии и советского правительства народы СССР осуществили великую индустриализацию нашей страны, удесятирив средства ее производства и умножив ее национальные богатства, создав тем самым условия для счастливой и радостной жизни всех трудящихся советской социалистической страны. Победа социализма есть прежде всего победа нашей родной большевистской партии, ее ленинско-Сталинской генеральной линии ее ленинско-Сталинского

руководства, ее Центрального Комитета во главе с великим Сталиным.

На основе этих побед, создан нерушимый союз всех трудящихся для дальнейшего укрепления и развития социализма, создан и закреплён союз и дружба всех народов СССР для строительства социализма, для обороны против наших врагов—против врагов социализма. Эти победы решительно изменили весь облик нашей страны, поднятой на невиданную высоту хозяйственного и культурного развития. Эти победы принесли рабочему классу СССР гигантское улучшение его материального благополучия. Уже много лет тому назад уничтожена безработица, введен семичасовой рабочий день, против которого, сидящие здесь, на скамье подсудимых «герои», всегда упорно и предательски боролись. Невиданных успехов, недостижимых ни в какой капиталистической стране, добилась наша страна в области развития и расцвета новой, подлинно человеческой социалистической культуры.

Эти победы принесли всей стране, каждому рабочему и колхознику, служащему и интеллигенту зажиточную и светлую жизнь. В этих победах—залог единства всего советского народа с нашим правительством, нашей партией и ее Центральным Комитетом. И разве не лучшим доказательством этого несокрушимого подлинного единства и сплочения народных масс вокруг великого Сталина, вокруг нашего ЦК, вокруг нашего советского правительства, являются, мыслимые только в нашей стране, широкие массовые народные совещания передовиков фабрик, заводов, транспорта, хлопковых и свекловичных полей, животноводства, комбайнеров и трактористов, стахановцев и кривоносовцев с руководителями партии и правительства! Это проявление подлинного советского, истинного демократизма! И разве не служат ярким доказательством этого единства и те могучие волны народного гнева против густых убийц, которые перекачиваются сейчас из конца в конец нашей страны!

(Продолжение на 2 стр.)

Продолжение речи тов. А. Я. Вышинского

I. Троцкистско-зиновьевский центр—банда презренных

В течение предыдущих дней судебного процесса эти господа пытались принять «благородный» вид. Они, по крайней мере, их главари не без рисовки говорили о своем террористическом заговоре; они искали и ждали политической квалификации своих преступлений, они говорили о политической борьбе, о каких то политических соглашениях, е какими-то, якобы, политическими партиями. И хотя они признавали что в действительности никакой политической платформы у них не было, что они даже не испытывали нужды в создании какой либо платформы, так как по их собственному признанию их платформу можно написать в один присест, в какие-нибудь два часа, —они все же пытались разыграть из себя неподдельных политиков. Они всячески старались изобразить дело так, как будто они стоят на каких-то, пусть замыганных и затрепанных, но все же политических позициях. Эти попытки—живое прикрытие их политической пустоты и безыдейности. И когда они говорили об интересах рабочего класса, об интересах народа, когда они будут говорить об этом в своих защитительных речах, и в последних словах подсудимых,—они будут лгать, как лгали до сих пор, как лгут сейчас, ибо они пошли против единственно народной политики—против политики нашей страны, против нашей советской политики. Лгуны и шуты, ничтожные пигмеи, москы и шавки, во'явившиеся на сцену,—вот что представляет собой эта компания!

Но они умеют пользоваться оружием, и это опасно для общества. Это обстоятельство требует особых и самых серьезных мер против них. Посадить их на цепь недостаточно. Против них должны быть приняты более решительные и радикальные меры борьбы. Не молитвы, а банда убийц и уголовных преступников, воров, пытавшихся расхищать государственное достояние,—вот что представляет собой эта компания.

Эти господа признавали, что у них не было никакой программы однако, кое-какая „программа“ у них была. Была у них программа и внутренней политики и внешней политики. Внутренняя политика определялась в их программе одним словом—убить. Они предпочитают, правда говорить не об убийствах, а о терроре. Но надо называть вещи своими именами. Эти господа избрали убийство средством борьбы за власть. Цинично и откровенно они должны были сами признать здесь это.

Как увязывали эти господа их марксизм в кавычках с проповедью террора и террористической деятельностью? Никак! А ведь эти люди себя когда то считали марксистами! Вероятно, обвиняемый Зиновьев и сейчас еще считает себя марксистом. Он говорил здесь, что марксизм не может быть увязан с террором. Но марксизм может объяснять, как они пришли к террору.

О том, как увязывается у них марксизм с проповедью террора и террористической деятельностью

я спрашивал здесь на процессе обвиняемого Рейнгольда. Он сказал: „У Каменева в 1932 году в присутствии ряда членов объединенного троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев обосновал необходимость применения террора тем, что хотя террор и не совместим с марксизмом, но в данный момент эти соображения надо отбросить. Других методов борьбы с руководством партии и правительства в данное время нет. Сталин объединяет всю силу, твердость партийного руководства, поэтому в первую голову надо убрать Сталина“. Вот вам ответ, откровенно циничный, наглый, но совершенно логичный. Вот вам и вся новая зиновьевская «философия эпохи».

Рейнгольд: „Каменев развивал ту же теорию, говоря, что прежние методы борьбы—завоевания масс, верхушечные комбинации с правыми, ставка на хозяйственные трудности—провалились. Поэтому единственный метод борьбы—это террор, террористические действия против Сталина и его ближайших соратников—Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора, Постышева, Жданова“.

Это откровенно и нагло, но в то же время логично с точки зрения логики нашего врага, борющегося против страны социализма. Без масс, против масс, но за власть, за власть во что бы то ни стало, жажда личной власти,—вот вся идеология этой компании, сидящей на скамье подсудимых.

Вся циничная беспринципность этих людей откровенно была показана здесь Каменевым. В своем объяснении на суде он говорил о том, как и на какой базе был организован этот террористический заговор, как он называл его.

„Я пришел,—говорил Каменев,—к убеждению, что политика партии, политика ее руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна политическая победа социализма, что эта политика признана трудящимся массами“.

Это заявление замечательно и по своей беспринципности и по наглому цинизму: именно потому что „политика партии победила“ они вели борьбу против ее руководителей.

„Ставка наша,—говорил Каменев,—на возможность раскола партии также оказалась бита. Оставалось два пути: либо честно и полностью ликвидировать борьбу против партии, либо продолжать ее, но уже без всякого расчета на какую бы то ни было массовую поддержку, без политической платформы, без знамени, то-есть путем индивидуального террора. Мы выбрали второй путь“.

Подсудимый Каменев должен был быть более последовательным: если первый путь он назвал путем честного отказа от борьбы, второй путь надо было охарактеризовать, как путь бесчестной борьбы бесчестными средствами.

Он признал: „Мы выбрали этот второй путь, мы руководствовались при этом бесконечным озлоблением против руководства партии и страны и жадой

власти, к которой мы некогда были близки, и от которой мы были отброшены ходом исторического развития“.

Подсудимый Зиновьев говорит: „К концу 1932 года стало очевидным, что наши надежды не оправдались... фактом было то, что генеральная линия партии побеждает. Здесь,—говорит Зиновьев,—со всей наглядностью сказались полная беспринципность и безыдейность, которые привели нас к голой и беспринципной борьбе за власть“. (Дело т. 12, лист дела 34).

Можно ли после этого разговаривать с этими людьми на каком бы то ни было политическом языке? Разве мы не вправе говорить с этими людьми только одним языком—языком уголовного кодекса и рассматривать их, как уголовных преступников, как отпетых и закоренелых убийц?

Такова их „программа“ в области, если можно так выразиться, внутренней политики. Раньше они, хотя бы из стыдливости мотивировали свою борьбу против руководства советской власти и партии недостатками, недочетами, и затруднениями. Теперь они уже сняли с себя эту маску. Они признают теперь, что убедились в победе социализма в нашей стране. К террору, убий

ствам они пришли вследствие безнадежности своего положения, сознания своей изолированности от власти, от рабочего класса. К террору они пришли благодаря молнейшему отсутствию благоприятных для них перспектив в борьбе за власть другими средствами, другими способами.

Каменев признал, что организация террора была единственным средством, с помощью которого они надеялись прийти к власти, и что именно на базе этой террористической борьбы велись, и в конце-концов успешно завершились переговоры об объединении между троцкистами и зиновьевцами. Террор—вот настоящая база объединения троцкистов и зиновьевцев.

В этом не все они хотят признаться.

Товарищи судьи, вынося свой приговор в совещательной комнате, вы внимательно—я в этом не сомневаюсь,—еще раз ознакомьтесь не только со всеми материалами судебного следствия, но и протоколами предварительного следствия; вы убедитесь с каким животным страхом подсудимые старались уйти именно от признания террора, как основы их преступной деятельности.

Вот почему так вертится здесь Смирнов. Он признает, что был членом центра, признает, что

этот центр усвоил террористическую линию борьбы, признает, что сам получал от Троцкого директивы об этой террористической борьбе. Но в то же время всеми силами и средствами он старается доказать, что лично он, Смирнов, террора не принял, не был с этим согласен и даже договорился до того, будто он даже вышел из троцкистско-зиновьевского террористического центра или блока.

Я буду еще особо говорить о каждом из подсудимых и в том числе о Смирнове и постараюсь со всей полнотой, тщательностью и объективностью разобрать доказательства, которые уличают их в совершении тяжчайших государственных преступлений. Сейчас я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что сами обвиняемые—не политические мзденцы, а промышленные игроки политической борьбы, они прекрасно понимают, к какой ответственности они подвергаются за то, что не только «теоретически» признали этот террор—и этого было бы достаточно, чтобы их головы положить на плаху,—но и за то что эту «теоретическую» программу они переложили на язык террористической практики на язык практических преступных действий.

II. Троцкий, Зиновьев, Каменев — заклятые враги Советского Союза

Террор лежал в основе всей их деятельности, он был базой троцкистско-зиновьевского объединения. Здесь совершенно согласно об этом показали люди непосредственно друг с другом не связанные в их подпольной работе. Это признали здесь не только Зиновьев и Каменев, Смирнов и Тер-Ваганян, Рейнгольд и Пикель, но об этом здесь говорили точно также и Берман-Юри, Фриц Давид и Валентин Ольберг—этот оригинальный гражданин республики Гондурас—штатный агент Троцкого и одновременно германской тайной полиции—гестапо.

Все эти люди под тяжестью предъявленных им улик не смогли дальше запереться и должны были признать, что главным и даже единственным объединявшим их преступную деятельность средством борьбы против советской власти и партии был террор, были убийства.

„На этом,—говорил Рейнгольд,—настаивали и сходились и троцкисты и все участники блока“. Именно насильственное устранение руководства ВКП(б) и советского правительства являлось основной задачей этого троцкистско-зиновьевского блока, который по справедливости можно назвать, как я это и сделал в обвинительном заключении, обществом политических убийц.

Эти террористические настрояния положенные в основу организации троцкистско-зиновьевского блока в 1932—1936 годах, быть может наиболее отчетливо и характерно выражены обвиняемым Мрачковским, заявившим, как на предварительном следствии, так и здесь на суде:

„Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы—это путь насильственного устранения руководителей партии и правительства“.

Мрачковский говорил: „Главная задача состоит в том, чтобы убрать Сталина и других руководителей партии и правительства“. Вся звериная злоба и ненависть были направлены против руководителей нашей партии, против Политбюро Центрального Комитета, против тов. Сталина, против славных его соратников. На них, во главе с тов. Сталиным, легла основная тяжесть борьбы с зиновьевско-троцкистской подпольной организацией. Под их руководством, под руководством тов. Сталина—гениального проводника и хранителя ленинских заветов—была разгромлена контрреволюционная троцкистская организация. В ожесточенных боях с троцкистской контрреволюцией, под их руководством была окончательно разбита на голову троцкистская контрреволюция.

В боях с этой троцкистской контрреволюцией тов. Сталин разработал и неуклонно проводил в жизнь ленинское учение о построении социализма в нашей стране, вооружив этим учением миллионные массы рабочих и колхозников.

Вот почему троцкисты и зиновьевцы, как и другие, самые оголтелые контрреволюционные элементы, все свои силы, ненависть и злобу против социализма сосредоточили на руководителях нашей

партии. Вот почему в марте 1932 года в припадке контрреволюционного бешенства Троцкий разразился открытым письмом с призывом „убрать Сталина“ (письмо это было из'ято из потайной стенки гольцмановского чемодана и приобщено к делу в качестве вещественного доказательства).

Этот подлый призыв с еще большей откровенностью Троцкий обратил к ряду своих зарубежных учеников, завербованных им в качестве убийц для переброски в СССР с целью организации террористических актов и покушений против руководителей нашего советского государства и нашей партии. Об этом здесь подробно рассказывал подсудимый Фриц Давид. Он сообщил, как в ноябре 1932 года он беседовал с Троцким, и как во время этой беседы Троцкий сказал буквально следующее: „Сейчас нет другого выхода, как только насильственное устранение Сталина и его соратников. Террор против Сталина—вот революционная задача. Кто революционер—у того не дрогнет рука“. (Дело том 8, л. д. 62). С этой целью Троцкий занялся подбором экзальтированных людей, внушая им, чтобы они осуществили этот контрреволюционный акт, как какую-то «историческую миссию».

Берман - Юри показывал здесь, что Троцкий систематически и неоднократно говорил: „До тех пор, пока Сталин не будет насильственно убит, нет никакой возможности изменить политику партии; в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами—Сталин должен быть физически уничтожен“.

(Продолжение на 3 стр.)

Продолжение речи тов. А. Я. Вышинского

Фриц Давид и Берман-Юрин вели с Троцким разговор об убийстве Сталина. Они приняли от Троцкого задание и сделали целый ряд практических шагов, чтобы это задание осуществить. Разве этого мало, чтобы они были достойны самого сурового наказания предусмотренного нашим законом — расстрела?

Фриц Давид, Берман-Юрин, Рейнгольд, Ольберг В., сам Смирнов И. Н. разоблачили, в сущности говоря, роль Троцкого в этом деле до конца. Даже Смирнов, упорно запиравшийся в том, что принимал какое-либо участие в террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра, не мог не признать, что установка на индивидуальный террор в отношении руководителей советского государства и ВКП(б) была им получена в 1931 году лично от сына Троцкого — Седова, что эта установка о терроре была подтверждена Троцким в 1932 году в директиве, привезенной из-за границы Гавенем и переданной Смирнову. Смирнов пытался смягчить остроту своего собственного положения ссылкой на то, что полученные им от Седова директивы о терроре были, якобы, личной установкой Седова. Но это пустое объяснение. Ведь всем совершенно очевидно, что Седов никакого авторитета для Смирнова не представлял. Тер-Ваганян и Мрачковский подтвердили здесь это, заявив, если бы они думали, что установки о терроре исходят от Седова, они наплевали бы на них с 6, 12-го или еще более высокогостажа.

Обвиняемый Тер-Ваганян — один из главных организаторов объединенного центра, подпольный руководитель, который получил от Троцкого директиву о переходе к террору. Тер-Ваганян только завуалировал показание, заменив упоминание о терроре словами „острая борьба с руководителями ВКП(б)“. После и он, однако, должен был расшифровать это и подтвердить, что речь шла о директиве, содержанием которой был террор и только террор.

Вы слышали, наконец, показания свидетельницы Сафоновой, очная ставка с которой вероятно крепко запомнилась всем, кто присутствовал здесь на суде. На этой ставке Сафонова, дело о которой выделено в особое производство ввиду продолжающегося следствия, полностью подтвердила, что Смирнов получил от Троцкого директиву об индивидуальном терроре в 1931 году через Седова, а впоследствии через Гавена.

На основании этих данных можно считать совершенно установленным, что именно директива Троцкого о терроре послужила основанием для развертывания террористической деятельности объединенного центра. Директива об организации объединенного центра и переходе к террору, данная Троцким, была принята троцкистским подпольем. Зиновьев и Каменев, как руководители зиновьевской части блока, сами пришли к той же мысли и тоже приняли директиву Троцкого, как основу действий

объединенного центра и подполья.

Эти подлинные закоренелые враги не могли спокойно смотреть на растущее благополучие нашего народа, нашей страны, вышедшей на широкую дорогу социализма.

СССР побеждает, СССР строит социализм, в СССР торжествует социализм, — тем сильнее их ненависть против ЦК, Сталина и правительства, которым страна обязана этой победой, которыми страна гордится.

В мрачном подполье Троцкий, Зиновьев и Каменев бросают подлый призыв: убраться! Начинает работать подпольная машина, оттачиваются ножи, заряжаются револьверы, снаряжаются бомбы, пишутся и фабрируются фальшивые документы, завязываются тайные связи с германской политической полицией, составляются посты, тренируются в стрельбе, наконец, стреляют и убивают.

Вот в чем главное! Контрреволюционеры не только мечтают о терроре, не только строят планы террористического заговора или террористического покушения, не только готовят к этим злодейским преступлениям, но и осуществляют их, стреляют и убивают!

Главное в этом процессе — в том, что они претворили свою контрреволюционную мысль в контрреволюционное дело, свою контрреволюционную теорию в контрреволюционную террористическую практику: они не только говорят о стрельбе, но они и стреляют — стреляют и убивают!

В этом — главное. Они убили тов. Кирова, они готовились убить товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Вот за что мы судим этих людей, этих организаторов тайных убийств, этих патентованных убийц.

И вот почему мы требуем судить их строго, как велит нам наш советский закон, судить их, как требует наша социалистическая совесть.

Убийства — вот вся „программа“ внутренней политики этих людей.

Внешняя политика?

Тут поднимаются захороненные трупы, здесь оживают старые „тезисы Клемансо“, здесь снова видны троцкистские уши.

Личное письмо Троцкого, полученное Дрейцером, состояло из трех коротких пунктов: 1) Убрать Сталина, Ворошилова. 2) Развернуть работу по организации ячеек в армии. 3) В случае войны использовать всякие неудачи, возможное замешательство для захвата руководства.

Это откровенная ставка на поражение.

Тот же старый „тезис Клемансо“ в новом издании под редакцией объединенного центра троцкистско-зиновьевского террористического блока.

Фриц Давид показал на следствии и подтвердил здесь на суде (это полностью соответствует, и ряду исторических документов, и показаниям других обвиняемых, и самому существу задачи, стоящей перед Троцким, Зиновьевым и Каменевым), что в одной из своих

бесед с ним Троцкий спросил: „Как вы думаете, в случае войны Советского Союза с японцами исчезнет ли это недовольство?“ (он говорил о недовольстве, которое, по его мнению, существовало у нас в стране). „Нет, наоборот, — говорил Троцкий, — в этих условиях враждебные режимы, будут пытаться соединиться воедино, и в этом случае наша задача будет заключаться в том, чтобы объединить, возглавить эти недовольные массы, вооружить их и повести против господствующих бюрократов“. (Дело том 8, лист дела 61).

Это же Троцкий повторил в письме 1932 года (очевидно, это у него идея фикс) и в беседе с Берман-Юриным.

„В связи с международным положением того периода — показывает Берман-Юрин, — Троцкий указал мне, что особо важной является задача разложе-

ния наших военных сил, так как в случае войны с Советским Союзом, огромные массы будут призваны в армию“. Троцкий и троцкисты вместе с зиновьевцами рассчитывали легко обработать эти массы. „Троцкий дословно сказал мне, — добавляет Берман-Юрин, — мы будем защищать Советский Союз в том случае, если будет свергнуто сталинское руководство“. (Дело том 4-й, л. д. 100).

Такова программа их внешней политики!

Может быть, все это — выдумка? Может быть, Фриц Давид и Берман-Юрин пустились здесь в фантастические измышления? Может быть, это все — вымысел, выдумка безответственной болтовни подсудимых, которые пытаются возможно больше сказать против других, чтобы облегчить свою окончательную судьбу? Нет!

Это не выдумка, не фантазия! Это истина! Кто не знает того, что Троцкий вместе с сидящими на скамье подсудимых Каменевым и Зиновьевым несколько лет тому назад провозгласили „тезис Клемансо“, что они говорили о необходимости в случае войны подождать, пока враг подойдет на расстояние восьмидесяти километров от Москвы, чтобы поднять оружие против советского правительства, чтобы свергнуть его. Ведь это исторический факт. От него никуда не уйти. Именно поэтому приходится признать, что показания Берман-Юрина и Фрица Давида в этой части соответствуют действительности.

Такова была программа „внешней политики“ этих людей. За одну такую программу, наш советский народ повесит изменников на первых же воротах! И поделом!

III. Двуручничество, обман, провокация — основной метод троцкистов-зиновьевцев

Обратимся теперь к методам, которыми действовали эти люди. Это, может быть, одна из самых позорных страниц позорной преступной деятельности.

В соответствии с „принципальной“ линией троцкистско-зиновьевского подпольного блока на захват власти любыми средствами, участники этого блока широко практиковали двуручничество в качестве основного метода своего отношения к партии и правительству. Это двуручничество они превратили в систему, которой могли бы позавидовать любые азефы и малиновские всех охранок, со всеми их шпионами, провокаторами и диверсантами.

Рейнгольд показал, что в 1933-34 году Зиновьев, с глаза на глаз, говорил ему, а теперь Зиновьев подтвердил это перед всем миром на процессе, что „главная практическая задача, которая стоит перед ним подпольем, заключается в том, чтобы построить террористическую работу так конспиративно, чтобы никоим образом не скомпрометировать себя“.

Может быть, это преувеличение? Конечно, нет. То, что говорил Рейнгольд, соответствует логике вещей.

«На следствии главное, — поучал своих соучастников Зиновьев, — отрицать какую бы то ни было связь с организацией, аргументируя несовместимостью террорасозаглядами большевиков — марксистов“. (Дело т. 27 л. д. 112).

Троцкий, в свою очередь, тоже рекомендовал в случае совершения террористического акта, отмежевываться от троцкистской организации и занять позицию, аналогичную той которая была занята в свое время эсеро-большевиками ЦК по отношению к госпоже Каплан, стрелявшей во Владимира Ильича. Мы знаем, что это значит. Мы помним, что после того, как Каплан выпустила свою предательскую пулю в Ленина, ЦК эсеров выпустил листовку, в которой категорически заявлял о своей непричастности к этому террористическому акту. Троцкий, Зиновьев и Ка-

менев, усвоили ту же тактику.

Зиновьев говорил: „Мы перешли на путь тщательно продуманного и глубоко законспирированного заговора, мы считали себя марксистами и, помня формулу „восстание есть искусство“ — переделали ее по своему, заявляя, что „заговор против партии, против Сталина, — есть искусство“.

Вот сидят на скамье подсудимых мастера этого „искусства“. Не скажу, чтобы мастера были высокой пробы. Ничего пробы мастера! Но они все же сумели осуществить свое низкое дело. В чем же состояло их „искусство“? В этом плане на первом месте стояла маскировка всеми средствами их истинного преступного лица.

Это может быть, один из самых ярких примеров в истории, когда, действительно, слово маскировка приобретает подлинное значение. Эти люди надели на свои лица маски, изображали себя раскаявшимися грешниками, покаявшимися с прошлым, отказавшимися от своих старых заблуждений и ошибок, переросших в преступления.

Характерно, что именно в тот период, когда объединенный троцкистско-зиновьевский центр наиболее активизировал свою деятельность, когда эта террористическая деятельность достигла наибольшего своего развития и, нарастая, продвигалась к своему завершению подлым выстрелом в товарища Кирова, — именно, в этот период Зиновьев обращается в Центральный Комитет партии с показанным письмом. В этом письме, датированном 8 мая 1933 года, т. е. в самый разгар подготовки террористических актов, Зиновьев не только отрывается от всех своих прежних ошибок, но и лицемерно клянется в преданности социализму и партии.

В те самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовя террористический акт против товарища Сталина, этот преступник, потерявший, как и все силовые здесь, последний человеческий облик, заканчивал свое письмо следующими сло-

вами: „Я прошу вас верить, что я говорю правду и только правду.“

Я прошу вас вернуть меня в ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела. Я даю слово революционера, что буду самым преданным членом партии, сделаю все то, что возможно, чтобы хоть отчасти загладить свою вину перед партией и ее ЦК.“

Мы знаем теперь, чего стоят эти слова. Мы знаем, Зиновьев сделал все, что возможно, чтобы повредить партии и делу строительства социализма в нашей стране, делу всего международного коммунистического движения.

16 июня 1933 года он помещает в „Правде“ статью „Две партии“. В центральном органе нашей партии он публикует статью, в которой старается всячески доказать преданность партии, громит оппортунизм, поет аллилуйя победам, одержанным партией.

Это было 8 мая и 16 июня, то есть летом 1933 года. А тем же летом, того же 1933 года, как это теперь точно установлено, на совещании троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев поручает Бакаеву приступить к практическому осуществлению террора.

Зиновьев обиделся здесь на Смирнова, когда он упрекнул его в том, что он говорит неправду. Сам Смирнов здесь не сказал ни одного слова правды, а упрекает Зиновьева во лжи. Зиновьев обиделся и заявил, что разница между ними в том, что он „решил твердо и до конца в эту последнюю минуту сказать всю правду, между тем, Смирнов принял, как видно, другое решение“.

Я позволю себе, товарищи судьи, препредить вас против этого утверждения Зиновьева.

Не верьте ему, что он действительно говорит здесь всю правду до конца. Зиновьев и Каменев на ленинградском процессе 15-16 января, разыграли очень неплохо одну из сцен своей коварной и вероломной маскировки. В своих объяснениях (на судебном заседании от 15-16

(Продолжение на 4 стр.)

Продолжение речи тов. А. Я. Вышинского

января 1935 года) Каменев хотел произвести впечатление окончательно искренне разоружившего врага, выкладывающего все, что у него есть на душе против правительства и партии. Он тогда припомнил какой-то эпизод, когда Зиновьев, что-то утаил из разговора с Троицким. С пафосом и „неподдельным“ возмущением, Каменев упрекал Зиновьева в том, что, скрывая этот факт, он не говорит всей правды.

А в то же время и сам Каменев и сам Зиновьев пытались обмануть нас, обмануть суд и всю страну, доказывая, что они никакого отношения не имеют к убийству Сергея Мироновича Кирова. Так же как сейчас, буквально теми же словами, что и вчера, Зиновьев и Каменев тогда клялись в том, что они говорят всю правду. Можно сказать, что процесс 15-16 января 1935 года, для Каменева и Зиновьева был своего рода репетицией нынешнего процесса, которого они могут быть не ожидали, но от которого они, как от судьбы, не ушли.

Я еще вернусь к этим „замечательным“ показаниям, данным, данным на суде в Ленинграде, сейчас я говорю об этом только для того, чтобы предупредить вас, а через вас, через суд, и всю страну — не только против Каменева и Зиновьева, но и против всех других двурушников, изменников, предателей, к сожалению, имеющих еще в наших рядах, говорящих о своих раскаяниях, отмежевывающихся маскирующих для того, чтобы лучше организовать удар в спину нашей партии, нашей стране, нашему великому делу.

Ни малейшего доверия этим патентованным и прожженным обманщикам!

Они и сами понимают, что не заслуживают его. Я спросил Зиновьева при его допросе: „А сейчас вы всю правду говорите?“ — „Сейчас я говорю всю правду до конца“.

Но где же доказательства этого, как им можно верить, когда они превозносили все представления о вероломстве, коварстве, обмане, измене, предательстве? Зиновьев довел это коварство до того, что после убийства Сергея Мироновича Кирова, послал в „Правду“ некролог. Единственное, что он сказал здесь по этому поводу: „этот некролог не был напечатан, насколько я помню“. И все.

Вот этот некролог, он у меня в руках. Он датирован Зиновьевым, если не ошибаюсь, то ли 4, то ли 7 декабря, вероятнее всего, 4 декабря.

Этот некролог, посвященный Кирову, вы, Зиновьев, называли: „Человек-маяк“. Как же вы начали свой некролог, который вы предназначали для печати, который, следовательно, должен был стать достоянием всей нашей общественности.

„Это можно наблюдать в течение всех лет нашей революции, в каждый момент, когда враг изловчился нанести тот или другой удар большевикам. Так бывало, когда врагу удавалось наносить чувствительный удар по полях гражданской войны, так бывало...“ и так далее.

И дальше, Зиновьев писал: „Горе партии — есть горе всего народа, всех народов СССР. Траур партии — есть траур всей великой страны... Весь народ ощутил горечь утраты“.

Это верно, что горечь утраты, возмущение предательским выстрелом охватило всю страну. Это чувство действительно испытывает вся страна от мала до велика.

Но вас то это в какой мере касается?

„Злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова всколыхнуло поистине всю партию, весь Советский Союз“. „Потеря этого любимого родного человека всеми ощущалась, как потеря своего, близкого, безгранично дорогого... Вот, что писали вы, подсудимый Зиновьев, в этой страшной и позорной статье!

Почему потеряла партия близкого, бесконечно дорогого С. М. Кирова, обвиняемый Зиновьев?

Потому потеряла партия этого близкого нам человека, что вы, обвиняемый Зиновьев, убили Кирова, вы убили его своими собственными руками, на которых у вас краснеет Кировская кровь!...

„Любимый сын партии“ — писали вы. Какое наглое кощунство!

„Сын рабочего класса — вот кем был этот человек-маяк“, „наш дорогой, глубокий и крепкий... Ему нельзя было не верить, его нельзя было не любить, и им нельзя было не гордиться“.

Вот как писал Зиновьев, переходя всякие границы цинизма!

Вот этот человек его любил, гордился им и убил его! Злодей, убийца оплакивает свою жертву! Где и когда еще происходило, что-либо подобное!

Что можно сказать, и какие слова можно подобрать, чтобы исчерпать всю низость и мерзость этого факта. Кощунство! Вероломство! Двурушничество! Коварство!

Вы, именно вы, Зиновьев, своей кощунственной рукой погубили этот маяк и вы же стали дублично и притворно рвать на себе волосы для того, чтобы обмануть людей.

Кого вы убили? — Вы убили великодушного большевика, пламенного трибуна, опасного для вас человека, беззаветно борющегося за ленинские заветы вместе с тем против вас. Вы убили этого человека секундным выстрелом подлейшей рукой Николаева, а через 2-3 дня вы же посылаете статью в „Правду“ и пишете о „погасшем маяке“. Где же найти слова, чтобы дать оценку этим подлейшим выходкам? — В своем лексиконе я не в состоянии найти этих слов!

Перейдем к Каменеву — второму столпу, так называемой, зиновьевской группы, к этому притворщику „в ослиный шкур“, о которой он сам говорил на XVII съезде партии.

Я прошу суд обратить внимание на статьи Каменева, опубликованные в 1933 году. Эти статьи Каменев писал почти одновременно с Зиновьевым по взаимному согласию. Каменев публикует в „Правде“ статью, где он также, как и Зиновьев, отказывается от своих заблуждений, клеймит свои

ошибки, где он говорит, что „важнейшей фигурой оппозиции стал человек, десятилетия борющийся с Лениным и т. д. и т. п.“. „Ясно, — писал в этой статье Каменев 25 мая 1933 года, — что сопротивление политике, возглавляемой тов. Сталиным, исходило из тех же предпосылок, которые заставляли членов партии в октябре 1917 года выступать противниками политики Ленина“. Плача и стона, Каменев старается доказать свой разрыв со старыми друзьями и заканчивает статью призывом отбросить всякое сопротивление, мешающее делу строительства социализма.

Это было в мае 1933 года. А летом 1933 года, после возвращения Каменева и Зиновьева из ссылки, на квартире Зиновьева состоялось совещание троцкистско-зиновьевского центра для организации террористических актов против руководителей партии и советской власти.

Спрошенный здесь об этом Каменев был очень краток. Между нами произошел диалог, который я позволю себе напомнить. Я спрашивал: „Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году и в которых выражали преданность партии. Обман?“

Каменев: — Нет, хуже обмана.

Вышинский: — Вероломство?

Каменев: — Хуже!

Вышинский: — Хуже обмана, хуже вероломства — найдите это слово. Измена?

Каменев: — Вы его нашли!

Дальше он говорил, что делал это не только по соглашению с Зиновьевым, что эти его поступки имели место во исполнение заранее выработанного плана захвата власти, который сочетался с необходимостью завоевания доверия.

Маленькая подробность, которая имеет некоторое значение для определения морального, если угодно, идеологического уровня обвиняемого Каменева, для характеристики его некоторых исходных нравственных позиций.

Я позволю себе сослаться на одну книжку Маккиавели (том первый). Она издана в 1934 году издательством „Академии“, которым руководил тогда Каменев с предисловием Каменева. Очень интересная книга. Она была написана в XVI веке. Автор написал эту книгу для князя, поучая его науке управления государством в соответствии с его княжескими интересами. Маккиавели писал: „Вы должны знать, что бороться можно двояко: один род борьбы — это законы, другой — сила; первый свойственен человеку, второй — зверю.“

Так как, однако, первого очень часто недостаточно — приходится обращаться во второму. Князю необходимо владеть природой, как зверя, так и человека“.

Каменеву это очень понравилось и он написал в кратком предисловии этой книги несколько следующих интересных слов: „Мастер политического афоризма и блестящий диалектик... (это Маккиавели, по Каменеву, диалектик! Этот прожженный плут оказывается диалектиком!)... Мастер политического афоризма... Хорош афоризм! Маккиавели писал: Действовать при помощи закона — это свойственно людям, при помощи силы — это свойственно зверю; следуй этой звериной политике, и ты — говорит Маккиавели — достигнешь своих целей. И это подсудимый Каменев называет „мастерством политического афоризма“. Послушаем, что пишет Каменев дальше: „...Диалектик почерпнувший из своих наблюдений твердое убеждение в относительности всех понятий и критериев добра и зла, дозволенного и недозволенного, законного и преступного...“ По Каменеву это очевидно и есть диалектика смешать преступное с не преступным, законное с незаконным, добро со злом — в этом новое „марксистское“ объяснение диалектики на примере Маккиавели. „Маккиавели — писал Каменев в 1934 году — сделал из своего трактата поразительный по остроте и выразительности каталог правил, которыми должен руководствоваться современный ему правитель, чтобы завоевать власть, удержать ее и победоносно противостоять всем покушениям на нее“. Хорош у вас, Каменев был, учитель, но вы (в этом надо вам отдать должное) превзошли своего учителя.

Дальше вы пишете в этом предисловии: „Это далеко еще не социология власти, но зато из-за этой рецептуры выступают зоологические черты борьбы за власть в обществе работников, основанном на господстве богатого меньшинства над трудящимся большинством“.

Это — так. Но вы хотели эти методы борьбы и принципы борьбы, достойные рабовладельцев, перенести в наше общество, применить против нашего общества, против социализма. „Так, — пишете вы, — этот секретарь флорентийских банкиров и их посол при папском дворе, вольно или невольно, создал снаряд громадной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих...“ Вы, Каменев, перенесли эти правила Маккиавели и развили их до вели-

чайшей беспринципности и безнравственности, модернизировали и усовершенствовали их.

Я вас не прошу, товарищи судьи, рассматривать эту книгу в качестве одного из вещественных доказательств по данному делу. Я возве не оперирую этой книгой для того, чтобы доказывать виновность подсудимых в тех преступлениях, в которых они обвиняются. Я просто счел необходимым отдалить этому обстоятельству несколько минут внимания для того, чтобы показать тот идейный источник, которым питались в это время Каменев и Зиновьевы, пытающиеся еще и сейчас на процессе сохранить благородный вид марксистов, умеющих мыслить и рассуждать в соответствии с принципами марксизма-ленинизма.

Бросьте эту шутковскую комедию. Старойте, наконец, до конца свои настоящие лица. Здесь о книге Маккиавели Каменев говорит, как о снаряде огромной взрывчатой силы. Очевидно, Каменев и Зиновьев хотели воспользоваться этим снарядом, чтобы взорвать и наше социалистическое отечество. Прочитался. И хотя Маккиавели перед ними щенок и деревенщина, но все же он был их духовным наставником. Вы из „маккиавелизма“ и азевовщины черпали для себя источник вашей деятельности и ваших преступлений. Теперь это разоблачено самим Зиновьевым и Каменевым: убийства, коварство, вероломство и маскировка были одним из основных решающих методов их преступной деятельности.

Зиновьев и Каменев, естественно, хотя и цинично, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорили здесь и другие подсудимые. Я думаю, что характеристика этих методов достаточно исчерпана представленными мной материалами. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать то, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда, очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для составления которой не нужно было затрачивать даже тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренней политики исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражением СССР в войне, и метод — вероломством, коварством и изменой.

Организация была. Подпольная контрреволюционная террористическая группа была. Существовала и действовала. Как бы ни выдумывали здесь опаривалов, ни пытаются здесь утаивать слишком важные факты, слишком много данных для того, чтобы обвинение, имели полное о-

судимых и троцкистских контрреволюционных групп, состоявшая осенью 1932 года, возникла и окрепло на почве и на основе взаимного признания террора в качестве единственного и решающего средства борьбы за власть — борьбы, которая тогда была основной и главной задачей и

троякистских и троцкистских контрреволюционных групп, состоявшая осенью 1932 года, возникла и окрепло на почве и на основе взаимного признания террора в качестве единственного и решающего средства борьбы за власть — борьбы, которая тогда была основной и главной задачей и

IV. Контрреволюционная террористическая деятельность троцкистов-зиновьевцев полностью доказана

Организация была. Подпольная контрреволюционная террористическая группа была. Существовала и действовала. Как бы ни выдумывали здесь опаривалов, ни пытаются здесь утаивать слишком важные факты, слишком много данных для того, чтобы обвинение, имели полное о-

(Продолжение на 5 стр.)

Продолжение речи тов. А. Я. Вышинского

нование утверждать, что такая подпольная контрреволюционная троцкистско-зиновьевская группа была; что эта террористическая организация была создана; что она именно была создана как террористическая; что она развернула свою деятельность, именно, как террористическую деятельность; что она подготовляла террористические покушения и что одно из этих покушений, в вашем величайшем несчастье и ужасе — злодейское убийство 1 декабря 1934 года Сергея Мироновича Кирова — она осуществила. Это самое ужасное из тех преступлений, которые удалось осуществить этой организации.

В январе 1935 года мы судили „московский центр“ в связи с состоявшимся незадолго, за две недели до этого, судебным процессом над, так называемым, „ленинградским центром“, по которому были осуждены и расстреляны Николаев Л., Котолынов, Румянцев, Сосицкий и ряд других. Мы тогда еще не знали всех подлинных и действительных авторов, подстрекателей и участников этого чудовищного злодеяния. Мы тогда стояли на верном пути. Следствие, руководимое НКВД, шло по правильному и верному пути разоблачения настоящих организаторов этого преступления, хотя состояние добытых доказательств лишало возможности вас предъявить тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву прямое обвинение в организации этого убийства, руководстве этим убийством и осуществлении этого убийства.

В приговоре по делу, так называемого „московского центра“, в котором главную роль играли Каменев, Зиновьев, Евдокимов и некоторые другие, об их роли было сказано лишь то, что они разжигали лишь террористические настроения своих сообщников, что они объективно подстрекали к убийству, создавали объективную почву, на которой должно было неизбежно вырасти и в действительности выросло это преступление.

Будучи абсолютно объективными, в следствие и обвинительная власть не предъявила тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву обвинения в прямом подстрекательстве и прямой организации этого убийства. В обвинительном заключении было сказано, что следствием не установлено этого прямого их участия. Однако, все данные, бывшие в руках следственных органов, позволяли говорить о том, что эти лица — Каменев, Зиновьев, Бакаев и Евдокимов — были тесно связаны с этим преступлением и, как они сами тогда выражались, должны были нести полную моральную и политическую ответственность за него.

В соответствии с этим, по делу „московского центра“, и был вынесен сравнительно мягкий приговор в отношении Каменева, Зиновьева, Евдокимова и Бакаева — только лишение свободы.

Каменев, Зиновьев, Евдокимов и Бакаев сделали все, что только можно было, для того, чтобы извратить действительное положение вещей, скрыть подлинных организаторов и соучастников преступления. Они пытались изобразить дело так, что руки своей они к этому грязному и подлому делу не приложили. При этом, говоря высоким стилем, она заявляли, что контрреволюция избрала их орудием в своей преступ-

ной деятельности. Не они избрали контрреволюцию орудием своей борьбы, а контрреволюция избрала их своим орудием...

И Зиновьев, и Каменев, и Бакаев, и Евдокимов пытались всячески уверить и доказать, что кроме моральной и политической ответственности они никакой другой ответственности за это злодейское убийство нести не могут, но эту ответственность они, якобы, полностью и честно готовы нести и признают правильность и обоснованность предъявления им обвинений в этих пределах.

На суде 15 — 16 января 1935 года Зиновьев говорил: „На скамье подсудимых сидит нас много, больше 15 человек с различными биографиями. Среди нас много таких, которые в рабочем движении участвовали немалое количество лет. Многие они делали по доверию ко мне и я за это, конечно, должен себя казнить... Свою задачу в этой стадии я вижу в том, чтобы до конца чистосердечно и искренне перед судом рабочего класса раскаяться в том, что я понимал как ошибку преступление, рассказать это так, чтобы это кончилось раз и навсегда данной группой...“

Я уже говорил о том, что это заявление Зиновьева было игрой, маневром и тактическим приемом.

Так обычно поступают уголовные преступники. Обвиняемый в убийстве с грабежом признается только в грабеже. Обвиняемый в грабеже признается только в краже. Обвиняемый в краже признается только в хранении украденного. Это — обычные уловки в уголовных преступлениях: перед лицом более тяжелых преступлений, признаваться в более легких преступлениях. Это способ замести действительные следы в расчете на доверчивость людей, которые позволяют себе во многих случаях, даже в уголовных делах, относиться с доверием к уголовным преступлениям.

Эту позицию занял Зиновьев. Аналогичную позицию заняли — и это они не будут отрицать — также Каменев, Евдокимов и Бакаев. Пойманные в 1935 году почти по полициным, эти люди признавали себя ответственными за меньшее преступление для того, чтобы избежать ответственности, настоящей ответственности за большое преступление.

Зиновьев говорил о „чистосердечном, и искреннем“ признании, но этого в действительности не было. Они в действительности делали все для того, чтобы не выдать в руки советского правосудия своих соучастников, чтобы оставить какие-то резервы, чтобы резервы эти можно было в нужную минуту пустить в ход и направить против нашей партии, против руководителей нашей страны.

Этим объясняется вся позиция Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева на ленинградском процессе 15-16 января 1935 года. „Верно, — говорил Зиновьев, — что нас судят по объективным чертам“. Он говорил, что многих людей, сидевших в то время с ними вместе на скамье подсудимых, он не знал. Зиновьев не знал, оказывается, ни Евдокимова, ни Гертмана, ни Каменева, ни Сахова. Зиновьев говорил, что субъективно, они были „преданы“ рабочему классу, тогда Зиновьев

даже позволил себе утверждать, что он, и они пятнадцать его участников были субъективно, якобы, преданы рабочему классу и не хотели становиться на путь контрреволюции. А объективно получалось у них наоборот... Почему получилось обратное? Я бы хотел, чтобы обвиняемый Зиновьев в своей защитительной речи сказал, как получилось, что субъективно он был предан рабочему классу, а объективно вышло, наоборот. Не может так быть этого и так не бывает. Если объективно действительно получалось так, то это потому лишь, что, обвиняемый Зиновьев, ваша субъективная преданность революции была фальшивой и гнилой. О чем вы думали, когда говорили эти речи? Я прошу вас сказать об этом в своей защитительной речи.

Вы вооружились против советского государства не только злобой, но и огнестрельным оружием. Вы практически осуществляли свои преступные замыслы. Вы сами говорили о двурушничестве, но говорили в тоже время об этом так, чтобы и в этот момент продолжать политику двурушничества.

Вы говорили: „Я привык чувствовать себя руководителем, для меня лично играл громадную роль именно этот момент“. Вы говорили: „Я привык чувствовать себя руководителем и, само собой разумеется, я должен был все знать. Если я удален от руководства — это или несправедливость, или недоразумение. Это не есть оправдание, но я высказываю все то, о чем действительно думаю и этим самым я выношу на себя последнюю занову тех преступлений, которые здесь разворачиваются“.

„Последнюю занову“ Зиновьев вынул на ленинградском процессе. Нет он не вынул, он оставил эту занову и не одну, а несколько в теле нашей социалистической страны для того, чтобы продолжать говорить и совершать тащайшие преступления.

Вы говорили: „... Я не мыслю иначе: как же это я без кружка своих, без того, чтобы знать все, без того, чтобы быть в гуще политики и т. д.“

Вот мысль, которая мучала вас, — что без вас нельзя... Ваше положение в прошлом определялось делами, как и сейчас ваше положение определяется вашими делами.

Подходя в вопросу, был ли центр, вы говорите: конечно, он был до 1929 года. Вы пытаетесь утверждать, что в последующие годы центра не было, что, в сущности говоря, с 1929 года он не действовал.

Это обман. Старый зиновьевский центр превратился в центр объединенного троцкистско-зиновьевского блока. Он реформировался, несколько окреп, ибо произошла консолидация нескольких группировок. С 1932 года он называет более широко развертывает свою деятельность. В 1932 году он проявляет особую активность, он подготовляет ряд террористических актов и в 1934 году осуществляет один из них.

Зиновьев говорил, что:

„Это не есть центр, который был в 1926-1927 годах“, и что с этим центром он не имел никакой связи. Как тогда ставил вопрос Зиновьев о связи с ленинградским центром? Он говорил, что была группа, которая

состояла из Котолынова, Мандельштама, Масленкова и других“. Крупную роль играл Котолынов, о чем Зиновьев, якобы, узнал из обвинительного акта об убийстве Кирова.

Зиновьев хотел уверить, что одного из организаторов этой ленинградской террористической группы он узнал лишь из обвинительного заключения.

Так ли это было в действительности? Не так. Зиновьев посылал Бакаева в Ленинград, чтобы связаться с группой Николаева — Котолынова, чтобы Бакаев проверил, как Николаев, Котолынов, Мандельштам и другие готовили преступление!

Здесь опять-таки обман и ложь, опять-таки маскировка!

„Мы искали с ним сближения“. Зиновьев уже в 1935 году должен был при всей своей маскировке признать, что он искал сближения с Котолыновым и Николаевым и нашел это сближение. Теперь это установлено с абсолютной точностью.

Зиновьев рассказывает, что в 1932 году он виделся с Левиным, расстрелянным в 1935 году по делу об убийстве товарища Кирова, и добавляет: „организационных разговоров у нас не было. Да, в этом и не было особой нужды. Меня понимали с полуслова, я для него был авторитетом: и он для меня тоже был авторитетом: я знал, что этот человек из группы бевзожденцев будет делать так, как мы скажем“. Здесь еще содержится ряд полунамеков и полупризнаний, на основе которых в последствии, только собрав полностью ряд явобличающих Зиновьева улик, можно было обеспечить и полное признание Зиновьевым своего участия в этом преступлении. Теперь Зиновьев уже не скрывает того обстоятельства, которое Бакаев вчера усиленно хотел здесь ослабить.

Еще в январе 1935 года по делу „московского центра“ Зиновьев признал, что Владимир Левин особенно близок был с Бакаевым. А вот вчера Бакаев пытался ослабить эту близость, ослабить ее ссылкой на то, что он ездил к Левиным в Ленинград не для конспиративных целей террористического порядка, которые как раз, однако, только и возможны при наличии такой близости. Он все время пытался сказать: вычеркните из показаний и из обвинительного заключения слова „для этой цели“. Нет, Бакаев этого мы не вычеркнем, это го вытернуть нельзя, ибо мы ездил „для этой цели“, как мастер сих дел, террористических дел, и ездил не случайно.

Почему Зиновьев не послал в Ленинград Рейнгольда, Писека, не послал даже Евдокимова?

Почему для переговоров с ленинградской группой будущих убийц тов. Кирова Зиновьев выбрал именно Бакаева? Ответ на этот вопрос я нахожу в объяснениях Зиновьева и отчасти Бакаева на процессе 15-16 января 1935 года. На Бакаева падает выбор Зиновьева потому, что Бакаев был наиболее близко связан с Левиным, который был представителем зиновьевцев в Ленинграде, который был руководителем ленинградской террористической подпольной организации, что он и сам признал на суде Военной коллегии в прошлом году. Подтверждение этому мы находим и в показаниях Зиновьева. „Знал его особенно близко Ба-

каев, он был одним из крупных организаторов антипартийной борьбы в Ленинграде...“

Только ли, подсудимый Зиновьев, антипартийной? Антисоветской борьбы, контрреволюционной борьбы, борьбы, которая по самому своему существу носила явно контрреволюционный, противоположный, антисоветской характер!

Дальше Зиновьев говорил: „Я ему не давал никаких поручений“. Ну, это знает, такое неуважение, что дальше идти некуда. Это похоже на то, как один неуважительный монах, когда его спросили «проходил ли этот человек здесь?» — ответил, показывая пальцем у себя на рукаве, «здесь он не проходил»...

С Левиным вы связи не имели, но вы имели эту связь через Бакаева, который ездил по вашему поручению. И, следовательно, когда вы говорили: „Я ему не давал никаких поручений“, вы опять обманывали!

Не один Бакаев выполнял ваши поручения. Все вы — и Каменев и Зиновьев, весь ваш центр вел переговоры с Левиным, Котолыновым, Николаевым, Румянцевым, Сосицким, Мандельштамом и рядом других членов этой разгромленной и уничтоженной банды ленинградских зиновьевцев. Весь ваш центр проверял, как ленинградская зиновьевская банда готовила это преступление, о нетерпении ожидая, когда будет наконец уничтожен этот верный сын нашей партии, руководитель ленинградских большевиков и пламенный трибуна — Сергей Миронович Киров, и они дождались этого убийства.

Здесь на суде Зиновьев признал, что он форсировал это убийство. Он спешил, он лихорадочно хватался за таких, как Николаев и Котолынов, чтобы поскорее осуществить это убийство. Не последним мотивом здесь было и желание перекрыть троцкистских террористов. Троцкисты нажимали.

Зиновьев признал, что Смирнов тоже торопил. Все они торопились. Троцкисты действовали более решительно и энергично, чем действовали зиновьевцы. Зиновьеву известно было, что на границе прибывали троцкистские террористы. И Зиновьев объявил «делом чести» — поворно употребить здесь это слово — скорее осуществить свой преступный замысел, скорее, чем это смогут осуществить троцкисты! Отсюда лихорадочное нетерпение Зиновьева. Вот почему он каждый день ждал, когда же наконец раздастся предательский выстрел в Ленинграде. Вся его деятельность заключалась именно в том, чтобы возможно скорее, возможно скорее и возможно успешнее осуществить это свое злодеяние!

Так рисуется роль и поведение в этом деле Зиновьева.

Кончая этот эпизод, я хотел бы теперь получить от Зиновьева прямой ответ: берет ли Зиновьев на себя не только моральную, но и всю уголовную ответственность, и при том полную ответственность за подготовку, организацию и совершение убийства Сергея Мироновича Кирова?

Конечно, Зиновьев скажет: «Да». Иначе он не может сказать. Он так уже сказал в первый же день процесса, сжатый железной цепью улик и доказательств!

(Продолжение на 6 стр.)

Продолжение речи тов. А. Я. Вышинского

Почти аналогичная позиция была на том же процессе и у Каменева. Аналогичная позиция была и у Бакаева. Каменев говорил, что он не знал о том, что был «московский центр». Желая разгадать благородного человека, он говорит, что жосолку это центр был и это доказано, он за него отвечает.

У Каменева выходило: не знал что был центр, но если центр был значит я знал. Но Каменев знал о существовании центра, действительно знал. Это было доказано.

А теперь это подтверждено еще новыми доказательствами, которые добыты в связи с открытием ряда новых преступных актов, действовавших в том же направлении. Доказательства эти пролили полный свет на это кошмарное и страшное дело.

И тогда Каменев пытался показать себя политически ослепшим человеком. Он говорил: Я ослеп—дожил до 50 лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказывается, действовал, в котором участвовал действием и бездействием, словом и молчанием. Какой то спиритуализм и черная магия!

Мы это и тогда понимали, как простую попытку прикрыться какими-то фальшивыми словами и под фальшью этих рассуждений скрыть истину. Теперь это все окончательно разоблачено. Нет, Каменев не ослеп. Каменев очень хорошо видел и знал, что он делал. Он прекрасно видел, что делалось вокруг него, потому что он организовал то, что вокруг чего делалось. Каменев не ослеп потому, что он действовал и словом и молчанием. Молчанием—когда он не говорил: «не действуйте», когда он объявлял был это сказать, и словом, когда он говорил: «действуйте», когда может быть некоторые из младших его помощников колебались и обращались к нему, как к авторитету, как наставнику.

Каменев заявил: «Я хочу сказать не в оправдание свое, раньше я этого не помнил, а теперь вспоминаю, что когда-то мне Зиновьев сказал, что у него был Бафаров и предлагал какой-то блок. Я сказал, что не буду принимать никакого участия ни в каком блоке, так как никогда не верил этому человеку. Это Зиновьев может подтвердить. Я не был против разговора. Я разговаривал».

С кем разговаривал? «С Толмазовым и Шацким». А Толмазов и Шацкий—это активные члены ленинградско-виповьевской банды, убиившей тов. Кирова.

Каменев разговаривал с Толмазовым и Шацким, т. е. с одними из главных организаторов убийства товарища Кирова. Значит на эти разговоры Каменев шел, ведя эти разговоры через Бакаева. Но это он пытался скрыть.

Доказывая, что он никакого отношения к террору не может иметь. Каменев встал в позу и заявил: «Я должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не ставил ставку на боевую борьбу. Я всегда ждал, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договариваться с нами, потеснится и даст нам место... За последние два года не было этих мечтаний, не было просто потому, что я не мечтатель и не фантазер. В нашей среде были фантазеры и авантюристы, но я к этой категории не принадлежу».

Я думаю, что сейчас Каменев несколько иначе будет квалифицировать свое участие в этом деле. Что же Каменев ставил своей задачей: ставил ли он ставку на боевую борьбу, или не ставил?

Тогда он говорил—«нет». Теперь два дня тому назад он сказал—«да». Тогда он говорил—«нет», потому что он знал, он видел, что у нас нет еще всех

интей кошмарного преступления, потому что тогда не состоялся следственного материала не были раскрыты до конца все эти нити. Тогда он говорил—«нет». Сейчас, когда все уже вскрыто, он говорит—«да».

Характерный факт! Он свидетельствует, какую большую и решающую роль играли в этой преступной каменевской «работе» личные мотивы. Каменев думал, что должно придти такое время, когда ЦК потеснится и даст ему там свое место. А ежели не потеснится, и не освободит ему там место? Тогда он, Каменев, примет меры, чтобы место это освободилось.

Вот вся логика и политика Каменева! Логика и политика, которые никак не позволяют согласиться с тем, что он не принадлежит к категории людей, которых он сам назвал авантюристами. Нет. Он принадлежит, очевидно, к этой категории людей, как и к другой категории—к «фантазерам». Фантазии тут немало. А желания превратить эту фантазию в практику, в жизнь, в живое дело, хотя бы путем авантюры, через блок со шпионами, диверсантами, охранниками, убийцами и путем непосредственных убийств—много.

На это Каменев шел, к этому Каменев был готов.

Вот что еще он говорил на ленинградском процессе: «Я говорю перед портретами великих строителей социализма... А надо сказать, что там был и портрет, обрамленный траурной каймой, портрет товарища Кирова. Каменев клялся на суде перед портретом убитого Каменевым Кирова!

...«Перед портретами этих великих строителей социализма я преступник, если у меня не хватило сил самому уйти и увести кого можно было...»

Ложь! Опять лицемерие, коварство, вероломство, цинизм!

Все это судом теперь доказано. Пусть подсудимые постараются это оспаривать в своих защитительных речах.

После длительного заперательства на предварительном следствии, Зиновьев дал ряд показаний, о которых я говорил выше. Характерная деталь. Еще осенью 1932 года на даче Зиновьева и Каменева (у них была совместная дача, которую, кстати сказать, Каменев однажды назвал источником своих бедствий)—было поручено Бакаеву подготовить террористический акт против товарища Сталина, а Карева—против товарища Кирова, но потом положение изменилось, так как Карев оказался арестованным, а Каменев и Зиновьев оказались в ссылке.

Наступил 1933 год—годоживления террористических настроений, год возобновления деятельности троцкистско-зиновьевского центра и вот уже здесь дается поручение Бакаеву и начинается основательная подготовка к убийству товарища Кирова.

Каменев говорит: «Я не знал, как практически шла эта подготовка, потому что практическое руководство по организации этого террористического акта осуществлял не я, а Зиновьев». Обвиняемый Каменев, вам было известно, что Бакаев ездил в Ленинград проверять, как там шла подготовка? Да, было известно. Вам было известно, как Бакаев, проверив и убедившись, что все идет успешно, приехал в Москву и доложил вам о ходе подготовки? Известно. Как же после этого вы позволяете говорить, что вы не принимали практического участия в убийстве тов. Кирова? Ваша попытка свалить все это на Зиновьева просто недоброкачественна.

Каменев говорит так: «было решено» убить и добавляет «я к этому решению присоединился». Разве это не практическое осуществление?

Бакаев упорно заперался на предварительном следствии и отрицал свою роль в подготовке убийства тов. Кирова, но его изобличил Карев, который напомнил ряд фактов и тогда уже после этого Бакаев признался. Именно поэтому, в виду полного сознания Бакаева, я и отказался от допроса Карева на суде.

Убила Сергея Мироновича Кирова рука Николаева. Котлынова и его группы. Но кто еще убил? Я спрашивал Зиновьева: когда организовался объединенный центр? Зиновьев ответил: «Летом 1932 года». Я спросил: В течение какого времени он действовал? Зиновьев: «Фактически до 1934 года».

На этом вопросе я хочу остановиться подробнее. В 1932—1933 году Каменев и Зиновьев были в ссылке, а центр действовал. Как известно, в 1934 году не был на свободе и Смирнов, он был арестован 1 января 1933 года, а центр действовал. И Зиновьев подтверждает, что центр действовал.

Я делаю вывод, что если действовал центр, то это благодаря хорошему организова-

ной технике связи, которая позволяла даже не находящимся на свободе, как, например, Смирнову, принимать участие в руководстве работой этого центра.

Я знаю, что Смирнов будет защищаться тем, что он от центра отошел. «Я же ничего не сделал, я же сидел»,—скажет Смирнов. Наивное утверждение! Смирнов сидел с 1 января 1933 года, но мы знаем, что Смирнов организовал из тюрьмы связь со своими троцкистами, так как был обнаружен шифр, которым Смирнов сносился из тюрьмы со своими товарищами. Это свидетельствует о том, что связь была, и Смирнов этого отрицать не может.

Но и это не решает вопроса, ибо в конце концов, для нас важно, что Смирнов, как и Зиновьев, и Каменев, ответственен за всю деятельность центра и всей той террористической группы, которая была организована, построена и действовала под его руководством еще в то время, когда они были на свободе. Смирнов, Зиновьев и Каменев они были организаторами центра, они дали направление деятельности своих террористов, всех этих пикелей, дрейцеров и других. Они же в полной мере и должны за это отвечать независимо от того, находился ли кто-либо из них в это время на свободе или нет. Это элементарно и на этом подробнее я думаю можно не останавливаться. Как руководители они должны отвечать за всю преступную деятельность руководимой или организованной и всех тех групп, которые возникли на вспаханной ими почве.

В чем выражалась деятельность центра, Зиновьев сказал: «Главное заключалось в подготовке террористических актов против руководства партии и правительства».

Я спросил: против кого? Зиновьев ответил: против руководителей. Я спросил: т. е. против Сталина, Ворошилова и Кагановича? Это ваш центр организовал убийство Кирова? Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова вашим центром, или какой-нибудь другой организации? Зиновьев: Да нашим центром. Я спросил: В этом центре были вы, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян? Зиновьев:—Да. На мой вопрос: Значит вы организовали убийство тов. Кирова? Зиновьев:—Да.

За это преступление и должны отвечать и Зиновьев и Каменев, и Смирнов, и Мрачковский, и Тер-Ваганян и все остальные.

Наиболее упорно заперается Смирнов. Он признал себя виновным лишь в том, что был руководителем троцкистского подпольного контрреволюционного центра. Правда, он сказал это несколько в юмористической форме. Обратившись к Тер-Ваганяну, Мрачковскому и Дрейверу, он им сказал: «Вы хотите вождя? Ну возьмите меня». Но вы, обвиняемый Смирнов, и были таковым. Смирнов был руководителем троцкистского подполья! Не случайно

V. Троцкистско-зиновьевский центр убил товарища Кирова

Выше я поставил вопрос: была ли организация, был ли троцкистско-зиновьевский террористический центр? Отвечаю: да, он был, он возник в 1932 году. В его составе были: Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский.

Этот центр был и, что самое важное, он сложился по прямому указанию Троцкого, Зиновьева и Каменева. Он сложился по прямой директиве Троцкого о терроре, как единственном средстве борьбы против руководителей советской страны. Он сложился в условиях сугубой и строгой конспирации. Одного представителя этой конспиративной школы Троцкого—Зиновьева—Каменева мы имели возможность вчера наблюдать здесь в лице подсудимого Гольцмана. На скамье подсудимых в лице Смирнова сидит другой конспиратор. Центр был и действовал, он пустил в ход не только методы прямого вероломства, обмана и предательства, но, как теперь это в точности установлено организовал и установил тайные связи с германскими фашистами, с которыми он спарил германских троцкистов, используя их для борьбы с нашим

руководством и используя их для связи с германским гестапо в лице Тукалевских, П. Ольбергов и тому подобное.

Я считаю абсолютно доказанным личными показаниями, буквально, всех подсудимых, в том числе, в этой части, и Смирнова, что этот центр был организован на террористической основе, что центр действовал террористическими методами, не брезгуя самыми грязными и циничными способами борьбы...

Я считаю абсолютно доказанным, что этим центром был подготовлен ряд террористических покушений на Украине, в Москве и в Ленинграде. Наконец, этим центром было подготовлено и осуществлено в Ленинграде убийство Сергея Мироновича Кирова.

Это входило, как я уже сказал, в общий план, план подготовлявшихся заговорщиками убийств руководителей советского государства и ВКП(б). Это было установлено, между прочим, и показаниями Евдокимова. Я прошу суд обратить внимание на показания Евдокимова от 10 августа, где он говорит, что убийство Кирова было осуществлено по прямой директиве объединенного центра троцкистско-зи-

новьевского блока, где он говорит, что в 1934 году Зиновьев дал ему на этот счет прямую директиву. Бакаев это также подтвердил. Решение об организации убийства Кирова было принято Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и Бакаевым и представителями Троцкого—Мрачковским и Тер-Ваганяном.

Показания Евдокимова, на которые я сейчас ссылаюсь, говорят: «Бакаев, с целью подготовки убийства был направлен в начале ноября 1934 года, т. е. за несколько дней до совершения Николаевым убийства Кирова в Смольном, в город Ленинград для проверки подготовленности этого убийства. Бакаев имел личное свидание с Николаевым, приехал в Москву и сообщил об этом Евдокимову Зиновьеву и Каменеву, которые с удовлетворением отметили успешный ход подготовки этого злодейского преступления и стали ждать этого выстрела. Бакаев предупредил Николаева и его сообщников, что они должны ждать сигнала Зиновьева, что они должны стрелять в Ленинграде одновременно с тем, как раздадутся выстрелы в Москве и Клеве».

Продолжение речи тов. А. Я. Вышинского

Зиновьев и Каменев рассматривали его, как представителя Троцкого, как заместителя Троцкого, как действительного руководителя всего троцкистского подполья. В этом он, в конце концов, и сам признался.

Я не знаю, что Смирнов скажет в последнем слове. Но полагаю, что на основании имеющихся материалов предварительного следствия и материалов судебного следствия у меня имеются все основания заявить следующее: 1) обвиняемый Смирнов признал, что он был в течение ряда лет действительным руководителем троцкистского подполья; 2) он признал, что был представителем и заместителем Троцкого в СССР; 3) он признал, что в 1931 году был в Берлине и встретился там с Седовым и 4) он признал, что Седов сообщил ему о террористических задачах и дал террористические установки.

Правда, Смирнов, отрицает, что это была установка Троцкого. Он говорит, что это было „личное мнение“ Седова. Однако, приехав в СССР, он это „личное мнение“ Седова счел необходимым передать своим товарищам по подполью...

Мы его спросили: Где же логика? Если это было личное мнение Седова, да еще такое, с которым Смирнов был не согласен, как он утверждал, зачем ему было это передавать другим членам подполья? Передавать да еще не говорить, что он не согласен. Все его товарищи по контрреволюционному подполью уличают его, что он не занимался о своем несогласии с этой установкой. Что же следует в таком случае считать установленным? Встреча с Седовым в 1931 году была?—Была. Седов—сын Троцкого—является его ближайшим и первым помощником во всей его политической деятельности?—Является. Во время этой встречи Седов со Смирновым говорил?—Говорил. Это Смирнов признает. Говорили о терроре?—О терроре. И это Смирнов признает. Что же касается того, как понял Смирнов Седова, то для обвинения, в конце концов, это совершенно безразлично! Если Смирнов понял разговор с Седовым не как установку, ему незачем было передавать ее товарищам по своей подпольной группе. Если он этот разговор передал и не сказал о своем несогласии с ним, значит это была „установка“ и иначе быть не могло.

Смирнов говорит, что он не был согласен с этой установкой. Однако, если он не был согласен с ней, он, как достаточно опытный подпольщик, фракционер и контрреволюционер должен был понимать, что он обязан был порвать с этой группой, уйти от этой группы. Иначе он не был бы политическим деятелем, тем более руководителем подполья. А ведь Смирнов был не просто рядовым членом троцкистской группы. Смирнов—это не Гольцман, Гольцман—это ухушенный издатель Смирнова, но Смирнов—не Гольцман. Смирнов—это Смирнов. Он—руководитель. Как же руководитель остается участником подпольной группы, не будучи согла-

сен с основной линией этой группы? А основная линия этой группы—террор. И если он говорит, что в 1931 году он слова Седова не понял как установку, а принял их, как его личное мнение, то в 1932 году он получил уже непосредственную установку от Троцкого через Юрия Гавена. В это время он уже не мог более ссылаться на то, что это было чье-то „личное мнение“, ибо, если это была действительно „личная“ установка, то установка, Троцкого!

От личной установки Седова лежит прямой путь к установке Троцкого. Нет никаких личных установок! Есть троцкистское решение и линия Троцкого на террор! Вы, Смирнов, ее получили в 1931 году и в 1932 году. Получили директиву от Дрейцера, не лично, но я глубоко убежден, что вы знали о ней, хотя и сидели в политизоляторе.

В 1932 году вы получили директиву Троцкого от Гавена. Троцкий прямо говорит: террор, убить Сталина, убить Ворошилова, убить руководителей партии и правительства. Вы, Смирнов, это указание получили. Вы говорите: „Я получил его, но не принял“. Если вы не приняли и если вы в какой-нибудь мере все-таки сохранили в себе понятие о политической чести, то вы не могли в 1932 году, выслушав это указание Троцкого, переслать нам через Гавена, не порвать с троцкистской организацией. Вы это понимаете, поэтому вы и говорите—я порвал, я ушел. Но кому вы сказали, что ушли? Никому не сказали. Не знал об этом Мрачковский, не знал об этом Тер-Ваганян, не знала об этом даже Сафонова. Никому вы не сказали! Никто не знал!

Следовательно, мы не имеем никакого права доверять этим вашим утверждениям. Вы можете утверждать, что вы в 1932 году получили от Троцкого директиву о терроре и вы ее не приняли. Вы не были бы Смирновым, если бы оставались в троцкистской группе, не будучи согласны с основной установкой этой группы, не будучи согласны с установкой такого авторитета, каким являлся для вас Троцкий. Мы знаем, что в своей защитительной речи вы будете проклинать Троцкого. Вам никто не поверит, потому что вы на этом суде не сказали и не хотели сказать и двух слов правды о своей работе в террористическом центре. Вы даже вчера хотели скрыть роль Пугна. Вы хотели сохранить резерв, который, может быть, не будет окончательно разоблачен. Вы хотели сохранить резерв для Троцкого, для вашего проклятого троцкистского подполья!

Я считаю, что все приведенные мною обстоятельства позволяют установить следующее в отношении Смирнова:

1. Смирнов был членом объединенного центра троцкистско-зиновьевской террористической организации. При его участии этот центр был организован. Следовательно, он—один из важнейших организаторов центра.

2. Он организовал этот центр на основе директивы Троцкого, полученной им в 1931 го-

ду. Он придал этому центру террористический характер и террористическое направление в его деятельности.

3. В 1932 году Смирнов получил от Троцкого вторую директиву. Это с бесспорностью установлено. Все попытки Смирнова доказать, что получив эту директиву, он не присоединился к ней, хотя в то же время оставался в рядах троцкистского подполья, шиты белыми нитками.

Товарищи судьи, есть еще одно очень важное обстоятельство. Можно так поставить вопрос: ну террористическая основа, ну террористические настроения и разговоры о том, что террор есть единственное средство, — но как обстоит с организацией практических мероприятий, направленных на сколачивание террористических групп и на осуществление террора?

Тер-Ваганян говорил, что шла такая работа по сколачиванию террористических

групп, но это была подготовительная работа, которая не выходит за пределы подготовки. Разве в действительности только так обстоит дело?

Конечно не так. Зиновьевцы пошли за троцкистами и, в частности, за Смирновым, который убежденно и горячо настаивал на скорейшем осуществлении террора, и не вообще на осуществлении террора, а на осуществлении террора против товарищей Сталина, Кирова, Ворошилова и других наших руководителей. Ведь тов. Сталин и тов. Киров разгромили эту бесчестную оппозицию. Поэтому вполне понятно, что Смирнов—этот последовательный и вполне убежденный, непримиримый троцкист, должен направлять всю силу своих организационных способностей на то, чтобы подготовить убийство раньше всего руководителей ЦК нашей партии и руководителей нашей страны.

Смирнов убеждал Зиновьева:

давайте поскорее осуществим террористический акт, давайте поскорее уьем Сталина, Кирова и Ворошилова. А Зиновьев, петушком поспевающий за троцкистами, волнуется, кипятится, как бы не отстать.

Смирнов убеждал Зиновьева с убийством поторопиться. С платформой он не торопится. Он говорит: В один присест можно ее составить. Зачем платформа, когда есть более верное, по их мнению средство—убийство! Смирнов наметил и дал в руки своим агентам конкретный план организации террористических актов. Убийство тов. Кирова было совершено, как в осуществление этого плана, за который Зиновьев, как и Каменев, Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, должны нести полностью ответственность перед советской страной, перед советским народом, перед советским пролетарским судом.

VI. Маска с обвиняемых сорвана

Я считаю, что вина Зиновьева, Каменева, Бядокимова, Бакаева полностью установлена, и что я могу освободить себя от обязанности перечислять многочисленные факты и подвергать анализу материал судебного следствия, изобличающий их в полной мере. Я хочу подчеркнуть лишь, что рядом с Зиновьевым, Каменевым, Бядокимовым, Бакаевым должны стоять Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский. Они должны стоять плечем к плечу. Они вместе направляли свою преступную деятельность против нашего правительства, вместе убивали Кирова и поэтому вместе и полностью должны за это и отвечать. Смирнов прекрасно понимает это и поэтому он занял позицию отрицания. Сначала он все отрицал: он отрицал наличие троцкистской организации, он отрицал свое участие в центре, он отрицал связь с Троцким, он отрицал какие-либо нелегальные задания, которые он давал даже в 1936 году, а мы знаем, что этот большой конспиратор сумел организовать „передачу“ преступных указаний своим сторонникам, даже будучи изолированным. Он все отрицал — он отрицал наличие троцкистского центра в 1931 году, он отрицал существование такого центра в 1932 году—он все отрицал. Весь его допрос от 20 мая состоит из одних слов: „Я это отрицаю, еще раз отрицаю и отрицаю“. Это единственно, что ему оставалось делать.

Обвиняемый Смирнов, вам изменил ваш опыт, вам изменило ваше искусство обманывать. Будучи изобличены показаниями Сафоновой, Мрачковского, Тер-Ваганяна, вы вынуждены были признать, что центр был, что вы были членом центра. Ваше отрицание вам не помогло. Вы отрицали и говорили, что никакой директивы о терроре не получали, но в этом изобличил Гавен и вы признали, вас изобличил Гольцман, который получил поручение от Троцкого передать вам лично, и только вам, директиву о том, что сейчас

необходимо перейти к террору. „Сугубо законспирированный троцкист“ Гольцман говорит, что он это поручение получил, но не передал, и вы думаете, что этому можно будет поверить. Нет, этому никто не поверит.

Гольцман занял такую же позицию, что и Смирнов — я признаю все, кроме террора—потому, что он знает, что за террор может свалиться с плеч его голова. В терроре Смирнова изобличил и Гольцман, и Мрачковский, и Сафонова, и Дрейцер.

21 июля вы дали несколько иные показания (лист дела 51, том 29-й), то-есть вы вначале отрицали получение какой-либо директивы об организации террора от Троцкого, а здесь вы это признаете. С отрицанием у вас не вышло.

На очной ставке с Мрачковским вы продолжали отрицать получение директивы от Троцкого и дачу Мрачковскому поручения организовать террористическую группу. Мрачковский вас стыдил, говоря: „Что же вы, Иван Никитич, из грязного кровавого дела хотите выйти в белой рубашечке“. Я—могу это повторить: „Неужели вы думаете, подсудимый Смирнов, что вы из этого кровавого дела выйдете невредимым?“ Вы на слова Мрачковского ответили: „Выдумка и клевета“, а потом вы все же кое-что признали.

Ведь вы признали, что блок был организован на базе необходимости террора и, таким образом, является одним из организаторов террористического центра. Вы получили от Троцкого директиву о терроре. Вы развили на этой основе террористическую преступную деятельность, правда, вам немножко помешало участвовать в осуществлении этой деятельности ваш арест. Но все же вы помогли этому делу всячески, как только могли.

Я хочу напомнить, что очная ставка с Сафоновой на предварительном следствии в основном воспроизводящая то, что мы имели здесь на суде, очень характерна. Смирнов не решается отрицать доказа-

тельств, приводимых Сафоновой, он измышляет каучуковую форму лжи, он знает, что Сафонова клеветать не будет. Сафонова — его бывшая жена, с которой он никаких счетов не имеет и на личные счеты он сваливать не может. Он говорит: „не помню“, „очевидно такой разговор мог быть“. Его спрашивают:—был ли разговор об организации террора? — „Не был, а мог вестись“. Такая же животная трусость им руководит и сейчас, когда на маскируясь говорит: „Мне на это нечего отвечать“. Но 13 августа он вынужден был признать, что в 1932 году этот разговор был, что он Смирнов, за это несет полную ответственность и сейчас он от этой ответственности уклоняться не собирается.

Я хочу перейти к Тер-Ваганяну. У него в начале тоже была такая позиция отрицания, но 14 августа он дал более правдивые показания. Суммируя его показания и все поведение на суде можно придти к нескольким твердым выводам: можно считать установленным, что Тер-Ваганян был членом троцкистско-зиновьевского центра, что он принимал деятельное участие в организации этого центра, что он задания центра осуществлял на основе директивы Троцкого, которая была получена через Смирнова и о которой ему было известно от Смирнова. Он пытается утверждать, что фактически ничего не сделал. Но я должен заранее сказать, что если бы он и „не сделал ничего“, то и того, что он сделал, достаточно, чтобы дать ему статью 58-8, 19-58-8, 58-11 Уголовного Кодекса.

Моисей Лурье и Натан Лурье. Мы здесь слышали показания Натана Лурье о том, как он прибыл сюда и с какими целями, какую он развернул работу по подготовке террористических актов под руководством Моисея Лурье, как он является по сути приемником той группы, которая до него уже была сколочена здесь Францем Вайцем—фашистским агентом и доверенным лицом

Окончание см. на 8 стр.

Окончание речи тов. А. Я. Вышинского

Гимлера, начальника фашистской черной охраны, начальника германских охранных отрядов и впоследствии начальника германского гестапо.

Вы помните все их показания и я полагаю, что на этом можно подробно не останавливаться. Полностью, категорично и бесспорно доказана подготовка террористических актов Натаном Лурье и Моисеем Лурье. Они полностью должны нести ответственность за это преступление!

Когда я говорил о тех методах, при помощи которых действовали эти господа, я показал, стараясь показать, как глубоко и низко было падение этих людей и моральное, и политическое. И может быть, одно из наиболее ярких и характернейших доказательств безграничного морального падения этих людей, у которых нет даже тех моральных, хотя и в кавычках, устоев и тех правил поведения, которые существуют даже у закоренелых преступников и бандитов, это то, о чем говорил здесь Рейнгольд. Я говорю о их плане уничтожения следов злодейских преступлений.

Разве случайно, товарищи судьи, они, рассчитывая на успех своего злодейского плана, назначили председателем ОГПУ никого другого, как Бакаева? Именно Бакаева, который известен, как злобный ненавистник, как человек решительный, как человек настойчивый, упорный, с очень большой волей, громадным характером и выдержкой, человек, который не способен останавливаться ни перед какими средствами для достижения тех целей, которые он перед собой поставил! Если некоторые из обвиняемых совершенно спокойно намечали себе путь к власти через горы трупов лучших людей нашей советской земли, то едва ли Бакаев был здесь не самым

решительным и не самым немолчаливым исполнителем этого плана. Именно этот человек и предназначался в качестве председателя ОГПУ в случае успеха заговора.

Я не останавливаюсь на смехотворном распределении портфелей между заговорщиками и террористами. Я подчеркиваю только еще раз, что никто другой, а только Бакаев намечался на пост председателя ОГПУ. Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити о подготовляющемся государственном заговоре и поэтому они считали важнейшей задачей назначить Бакаева председателем ОГПУ. Он должен был перехватить эти нити, затем уничтожить их, как и самих физических исполнителей их поручений.

Первую часть Каменев и Зиновьев не отрицают, а вторую часть отрицают. Она слишком кошмарна и Зиновьев сказал, что это из Жюль-Верна. Но разве мы не знаем, что в истории такие примеры бывали? Разве мы не знаем некоторые соседние государства, у которых такие эксперименты были, где участники заговора физически уничтожались рукой организаторов заговора, как это и было с уничтожением Рема и его сподвижников!

Вы сами, подсудимый Зиновьев, говорите, что Бакаев предназначался на пост председателя ОГПУ, чтобы использовать его для уничтожения следов преступлений. Так почему же вы это называете Жюль-Верном? Вы избрали порочный способ защиты.

Это большого значения для дела не имеет, и не в этом вопрос и не в этом суть. Это — один из замечательных штрихов, характеризующих людей, которые претендовали на руководство нашей страны. Это говорит о том, какое счастье,

что они своевременно были отстранены от участия в этом руководстве!

Зиновьев и Каменев говорят, что это фантазия, арабские сказки. Но, повольте, а убийство зиновьевского секретаря Богдана — это что? Сказка? Зиновьев не мог ничего сказать по этому поводу, но Рейнгольд это разоблачил, а Пикель это подтвердил.

Бакаеву было указано Зиновьевым на Богдана, как на подходящего для террористических актов человека. Рейнгольд говорит, Пикель подтверждает, а Бакаев от этого отворачивается и прячется. Но это факт, от которого уйти никто не сможет. Рейнгольдом и Пикелем доказано, что „самоубийство“ Богдана было в действительности убийством. Оно выполнено было Бакаевым по поручению объединенного центра! „Ты колеблешься осуществить задание нашего объединенного троцкистско-зиновьевского центра? Мы тебя убьем или сам убей себя“, — как говорил Богдану Бакаев, и Богдан не выдержал...

Это было началом плана, разработанного Зиновьевым и Каменевым на случай успеха террористического заговора. Самоубийство Богдана Зиновьев и Каменев постарались изобразить как гибель „жертвы“ нашего советского режима. Но вы же сами довели Богдана до самоубийства, поставив перед ним дилемму: или идти на террористический акт, или покончить с собой.

Если вы, товарищи судьи, поставите этот эпизод в общую связь со всеми методами борьбы, со всеми методами „работы“ этой преступной шайки, вы легко поймете всю правдивость показаний Рейнгольда и Пикеля, которые здесь на суде еще и еще раз разоблачили Зиновьева, Каменева и Евдокимова, как авторов ряда тяжких преступлений.

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые предъявляет закон в делах о тяжчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестнадцать, виновными

в государственных преступлениях — применить к ним в полной мере и те статьи закона, которые предъявлены им обвинением.

Забесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!

Заявление прокурора Союза ССР товарища Вышинского

На вечернем заседании 21 августа, после допроса подсудимых, прокурор Союза ССР товарищ Вышинский сделал следующее заявление:

«На предыдущих заседаниях некоторые обвиняемые (Каменев, Зиновьев, и Рейнгольд) в своих показаниях указывали на Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова, Серебрякова и Сокольников, как на лиц, причастных в той или иной степени к их преступной контрреволюционной деятельности, за которую обвиняемые по настоящему делу и привлечены сейчас к ответственности. Я считаю необходимым доложить

суду, что мною вчера сделано распоряжение о начале расследования этих заявлений обвиняемых в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека и Пятакова и, в зависимости от результата этого расследования, будет прокуратурой дан законный ход этому делу. Что касается Серебрякова и Сокольников, то уже сейчас имеющиеся в распоряжении следственных органов данные свидетельствуют о том, что эти лица изобличаются в контрреволюционных преступлениях, в связи с чем Сокольников и Серебряков привлекаются к уголовной ответственности».

Враги народа понесли заслуженную кару

24 августа 1936 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор по делу троцкистско-зиновьевского центра.

Военная коллегия приговорила всех обвиняемых: Зиновьева Г. Е., Каменева Л. Б., Евдокимова Г. Е., Бакаева И. П., Мрачковского С. В., Тер-Ваганянц З. А., Смирнова И. Н., Дрейцера Е. А., Рейнгольда И. И., Пикеля Р. В., Гольцмана Э. С., Фрица Давида (Круглянского И. И.), Ольберга В. П., Бермана — Юрина К. Б., Лурье М. И., Лурье Н. Л., к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Приговор приведен в исполнение.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЛЕПОТА

Районное совещание учителей, на котором присутствовало около двухсот педагогов, проходило в дни процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Весь наш народ в эти дни был охвачен могучим гневом и горячей ненавистью против изобличенных злейших врагов революции. На всех собраниях и митингах раздавались голоса возмущения. И не только на собраниях. Люди сами собирались группами, читали обвинительное заключение, отчеты о процессе, передовые „Правды“, речь государственного обвинителя. Читали и обсуждали.

В повестке дня районного совещания учителей стоял доклад о процессе. Но потом

его сняли. Было решено прослушать доклад секретаря райкома ВКП(б) тов. Разумова. Слушание сорвалось и так никто ни одним словом не обмолвился на совещании о процессе.

В районном отделе народного образования сидят коммунисты, есть даже своя первичная организация, немало учителей-коммунистов участвовало в работах совещания. Чем же объяснить, что все прошло мимо такого величайшего политического события? Ничем иным, как только политической слепотой. Обращает на себя внимание и тот факт, что никто из работников райкома ВКП(б) и райисполкома на совещание не заглянул.

Ответ, редактор В. ПОЛЕТАЕВ

VII Взбесившихся псов — расстрелять всех до одного

Я, товарищи судьи, кончаю. Подходит последний час — час расплаты этих людей за тяжкие преступления, которые они совершили против нашей великой страны.

Последний час расплаты этих людей, поднявших оружие против самого дорогого и любимого, что есть у нас, против любимых вождей нашей партии и нашей родины, против Сталина, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Постышева, Косиора и других руководителей нашей страны победившего, растущего и расцветающего нового социалистического общества. Печальный и поворный конец ожидает этих людей, когда-то бывших в наших рядах хотя никогда не отличавшихся ни стойкостью, ни преданностью делу социализма.

Еще несколько слов. Некоторые из подсудимых пытались проводить здесь параллель с историческим прошлым, параллель с эпохой „народной воли“, пытались сравнивать кое-кого с героически-

ми террористами, вступившими в прошлом столетии в единоборство со страшным, коварным и беспощадно жестоким врагом — царским правительством. Называли имя Гершуни, говоря не то о Бакаеве, не то о Смирнове. Это не выдерживает никакой критики. То была борьба кучки самоотверженных энтузиастов с жандармским исполном, борьба за интересы народа. Мы, большевики, всегда были против террора, но мы должны отдать должное искренности и героизму народолюбцев.

Гершуни не был большевиком, но и он боролся против царизма, а не против народа.

А вы — кучка подлинных контрреволюционеров, представители передового отряда международной контрреволюции, и выступили вы против передового отряда мировой пролетарской революции!

Вы выступили против свободы и счастья народов! Бесстыдное сравнение с эпохой народолюбческого террориз-

ма. Тронутый уважением к памяти тех, кто искренне и честно, правда своими особыми путями и методами, но всегда безупречными действовали во времена „народной воли“ в борьбе против царского самодержавия за свободу — я решительно отметаю кощунственную параллель. Повторяю, здесь параллель неуместна. Перед нами — преступники опасные, закоренелые, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы — вождям советской страны и вождям трудящихся всего мира!

Враг коварен. Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения присоединяю и свой возмущенный негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!